

DOI: 10.24412/2308-8079-2022-1-9

УДК 32:159.9

ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСИЛИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ СПРАВЕДЛИВОГО МИРА

Власова О.Ю.

В условиях переизбытка информационных потоков встает вопрос о возможностях формирования отношения человека и гражданина к общественно-значимым событиям. Если в предыдущем веке оправдание насилия в обществе часто сводилось к пропаганде как к единственному источнику информации для граждан, то на сегодняшний день количество источников информации заставляет задаться вопросом, почему пропаганда до сих пор не потеряла своей актуальности и почему люди по-прежнему оправдывают несправедливое насилие, несмотря на доступ к альтернативным источникам информации? В данной статье особое внимание уделяется психологической концепции «справедливого мира», которая наряду с анализом деятельности авторитарного правительства способна объяснить феномены поведения гражданина в условиях государственного и общественного насилия. Насколько человеческая психика готова к осознанию несправедливых и нелогичных мировых обстоятельств, и какие факторы способствуют этому процессу? Ответы на эти вопросы автор попытался найти в данной статье.

Ключевые слова: концепция справедливого мира, пропаганда, политический режим, оправдание насилия, политическое образование.

THE PUBLIC SUPPORT OF VIOLENCE PHENOMENON THROUGH THE PRISM OF THE JUST WORLD CONCEPTION

Vlasova O.Y.

In the conditions of information overabundance raises the question about the possibilities of a person and a citizen attitude forming to socially significant events. If in the previous century the justification of violence in society was often reduced to propaganda as the only source of information for citizens, then today the number of

information sources makes one wonder, why propaganda has not lost its relevance and why people still justify unjust violence, despite access to alternative sources of information? In this article special attention is paid to the psychological concept of a “just world”, which along with the analysis of authoritarian government activity is able to explain the phenomena of citizen behaviour in the presence of state and public violence. To what extent is the human psyche ready for the realization of unfair and illogical world circumstances, and what factors contribute to this process? The author tried to find answers to these questions in this article.

Keywords: conception of a just world, propaganda, political regime, justification of violence, political education.

Что такое концепция справедливого мира?

Люди склонны воспринимать текущие события через те фундаментальные принципы, которые соответствуют их системе верований и убеждений. Одно из таких базовых предположений заключается в том, что люди получают то, что они заслуживают, и заслуживают именно то, что получают. Другими словами, мы верим в причинно-следственную связь между нашими действиями и тем, что с нами случается. Мелвин Лернер называет такую установку «верой в справедливый мир» [5, р. 358] или «гипотезой справедливого мира» [6, р. 45]. Это глубоко укоренившийся и очень распространенный мотив, который позволяет людям адаптироваться к окружающей среде, создавая видимость порядка и стабильности [7, р. 1045].

Исследования показывают, что индивиды в основном склонны воспринимать мир как справедливое место, а потому верят, что награда всегда найдет своего героя, а проступок будет наказан. Многие люди верят и в то, что социальная система является справедливой, обоснованной и оправданной [4, р. 405]. Или, по крайней мере, справедливой по большей части. Поэтому добро в таком социуме по преимуществу вознаграждается, а зло наказывается, честный труд приветствуется, а ложь и преступность в конечном итоге обязательно проигрывают.

Но что происходит с человеком, если в какой-то момент он оказывается посреди того самого мира лжи и преступности, а его обычный устойчивый и стабильный *справедливый мир* вдруг становится миром войны и жестокости? В какой степени человек готов осознать данный факт и принять реальность? История человечества переполнена случаями, в которых остро встает необходимость дать ответ на этот вопрос. Яркими примерами являются содержание политических заключенных в концентрационных лагерях Германии (с 1933 года до начала Второй мировой войны), а также попадание граждан СССР в ГУЛАГ. Все эти исторические эпизоды изобилуют случаями, когда граждане отказываются воспринимать действительность и списывают происходящее с ними либо на ошибку (в целом-то система и мир справедливые, но именно в отношении меня произошла странная ошибка), либо находят в сложившейся ситуации толику справедливости и законопорядка, либо пытаются создать их видимость в актуальных условиях.

Как отмечает Бруно Беттельхайм – психолог, переживший концентрационный лагерь в гитлеровской Германии, больше всего в недоумении при своем аресте оказывался неполитизированный средний класс. Представители этого класса часто не могли понять, что с ними произошло. Снова и снова они обращались к членам Гестапо с уверениями в преданности режиму. У них не было последовательной внутренней философии, которая защитила бы их целостность как человека, и которая дала бы им силу выступить против нацизма. Они всегда слушались «закона», спущенного правящим классом, не задаваясь вопросами о его справедливости и мудрости. Но в какой-то момент этот «закон» или, по крайней мере, его применение вдруг обернулось против них, тех, кто всегда боялся ослушаться этого «закона». Но, даже оказавшись под арестом, они не осмеливались встать в оппозицию правящему классу, хотя именно такая позиция придала бы им самоуважения. Представители среднего класса не позволяли себе задать вопрос о мудрости «закона» и полиции, поэтому принимали поведение Гестапо таким, каким оно было, т.е. репрессивным даже в отношении них самих. Сам по себе такой

«закон» был как бы правильным, и единственная ошибка в том, что они *стали жертвой* несправедливого преследования. Но это преследование для них выглядело явно ошибочным. В конечном итоге, не имея возможности принять новую реальность и несправедливость ситуации, в которой они оказались, именно представители среднего немецкого класса становились асоциальными элементами в лагере, обманывали других заключенных, шпионили [2, р. 431].

С другой стороны, попытка поддержать *веру в справедливый мир* использовалась и Гестапо. Как пишет тот же Беттельхайм, Гестапо всегда прикрывало каждое свое действие специально принимаемыми «законами», которые в реальности были псевдозаконами, призванными служить карательным инструментом в целях совершения античеловечных преступлений нацизма. Приезжая в лагерь, заключенные должны были подписать бумагу, что они не против заключения и согласны с тем, как с ними обращаются в лагере. Гестапо разрешалось убивать людей, но не разрешалось красть у них. Вместо этого гестаповцы заставляли заключенных продавать свое имущество, а вырученные деньги «дарить» в фонд Гестапо [2, р. 420]. Таким образом, мы наблюдаем не только попытку нацистов оправдать свои преступные действия, придать им мнимую форму «законности», но и создать видимость якобы свободного волеизъявления заключенного (иллюзия того, будто бы у заключенного был выбор не подписывать соответствующие бумаги). Конечно же, на практике никакого выбора у заключенного не было.

Следствием *такой* веры в справедливый мир часто оказывается нетерпимое отношение к жертвам несчастий. Такие жертвы воспринимаются как слабаки (они не воспользовались своим правом на свободу выбора, и им не хватило силы воли). Цинично считается, что жертвы во многом сами виноваты в том, что с ними произошло [1, с. 72].

Как пишет Д. Олышанский, «после Второй мировой войны, когда мир узнал о преступлениях гитлеровцев против евреев, в странах антигитлеровской коалиции был зафиксирован рост антисемитизма. Выраженные антисемитские настроения фиксировались в ГДР в 1970-е годы среди молодежи 18-23 лет, по

определению не видевших евреев в жизни вообще (в послевоенной Германии, по понятным причинам, их практически не было). После армянского погрома в азербайджанском Сумгаите в 1988 году, первого массового кровопролития на этнической основе на территории бывшего СССР, делались заявления о том, что хотя погром, конечно, вещь плохая, но в армянах есть что-то такое, что провоцировало погромщиков. Подтекст: они сами виноваты» [1, с. 73].

Виктимблейминг (ситуация, при которой жертве приписывается провокация насильника, вина за случившееся) для обвинителя во многом является попыткой самозащиты и преодоления страха, попыткой уйти от осознания того, что мир не всегда справедлив, логичен и уютен. С помощью виктимблейминга обвинители восстанавливают логику событий и рассчитывают на то, что если жертва сама виновата в случившемся с ней, то значит, есть механизмы, с помощью которых именно обвинитель сможет избежать подобной ситуации, а, значит, мир по-прежнему справедлив и можно не бояться лично за себя.

Получается, что именно вера в справедливый мир становится тем механизмом, с помощью которого человек пытается найти логическое объяснение насилию, когда видимых причин и оправданий для этого просто нет. Но этот механизм работает и в обратном порядке: сталкиваясь с заведомо неоправданным насилием, человек подсознательно *пытается найти ему оправдание* как раз для того, чтобы восстановить утерянную логику справедливого мира и вернуться в привычный мир, где «дыма без огня не бывает».

Таким образом, *вера в справедливый мир может стать опасным механизмом, который способен подменить настоящую справедливость справедливостью, выдуманной для поддержания спокойствия и психического равновесия*. А это значит заменить справедливость несправедливостью.

Люди, верящие в *такой* справедливый мир, часто верят в него пассивно, то есть считают, что мир справедлив перманентно и сам по себе, а, значит,

ничего особенного предпринимать и делать для установления справедливости не нужно.

Конечно, не все люди руководствуются исключительно верой в справедливый мир и склонны участвовать, например, в актах геноцида. К факторам, которые повышают вероятность такого поведения можно отнести: необразованность, авторитарность, низкий уровень социальной адаптированности и самооценки, самоощущения аутсайдера и неудачника, а также отсутствие долгосрочной мотивации и воли, желание получения результатов немедленно: здесь и сейчас [1, с. 73].

Но с другой стороны доказано, что люди, которым свойственна вера в справедливый мир, менее подвержены депрессии и стрессу [11, р. 242].

Истоки и корреляции веры в справедливый мир

Идеология

Одной из основных опор создания веры в справедливый мир является исповедание той или другой логически выстроенной идеологии. Каждая тотальная идеология, то есть идеология, охватывающая все сферы жизни человека и общества и дающая ответы почти на любой вопрос, с которым может столкнуться человек и гражданин, так или иначе в своей основе имеет как раз оправдание справедливого мира. Идеология исходит из посыла о том, что в соответствии с определенными правилами мир будет существовать на более логичных и справедливых началах, чем при их отсутствии. То есть именно идеология стремится изначально упорядочить неупорядоченный мир, а каждая из идеологий, в свою очередь, пытается создать свои собственные правила для этого самого логичного и справедливого мира. В то время как идеология, основанная на противоположных ценностях, будет оспаривать правила, созданные конкурирующей идеологией, и формулировать собственные [см.: 12].

Люди открыты к разным альтернативным идеологиям на пути своей политической социализации. Однако вопрос о справедливости в мире встает

по-разному в каждом возрасте и по-разному в зависимости от ситуаций, с которыми люди могут сталкиваться в течение жизни.

Для одних абсолютной ценностью и обеспечением свободы и справедливости является капиталистический мир при господстве идеи *homo economicus* (лат. – «человек экономический», «человек рациональный»). Но данная идея сама по себе наталкивается на рост таких показателей абсолютной бедности в мире как: низкие зарплаты, работа чисто за еду, нехватка рабочих мест, нарастающее количество бездомных, потребность в банках еды и суповых столовых. Все это ставит под угрозу не только глобальный экономический рост, но и саму капиталистическую систему [3, р. 9].

У других, существование, так называемого, «потерянного поколения молодежи», у которых очень ограниченные перспективы трудоустройства (максимум работа в «Макдональдсе»), и которые не видят себя равноправными членами общества, становится детонатором для создания новых идеологических концепций более экологически чувствительного и равноправного порядка справедливого мира.

Экономика и справедливая торговля

Интересна параллель с верой в справедливый мир в политике и в экономике. Если мы начинаем говорить про «справедливую торговлю», то мы сталкиваемся с тем, что потребители реже задумываются о справедливости устанавливаемой цены на продукты и товары, если речь идет о продуктах и товарах первой или средней степени необходимости. Однако, справедливая торговля возможна в тех случаях, если информация о ней широко распространена среди населения и доступность товаров первой необходимости полностью удовлетворена [13, р. 110].

Таким образом, мы наблюдаем феномен, доказывающий, что поиск настоящей справедливости, который не ограничивается поиском справедливости только для себя, доступен исключительно на более высоком уровне потребления и при более широком распространении информации.

Религия

Юрген Маес выделяет 2 типа справедливости:

1. *Имманентная* (immanent) справедливость, при которой судьба конкретного человека (хорошая или плохая) является справедливым последствием его предыдущих поступков.

2. *Окончательная* (ultimate) справедливость, при которой вся несправедливость будет пересмотрена в будущем и каждый будет вознагражден по заслугам [8, p. 32].

Вера в имманентную справедливость больше свойственна познавательным навыкам детей, которые исследовались еще Жаном Пиаже в 1932 г. [10, p. 56]. При этом вера в окончательную справедливость связана, а возможно и зарождается в конкретных религиозных учениях, обещающих в будущем рай для праведников, которые вынуждены терпеть боль и несправедливость в этом мире. Обозначая эту разницу в типах справедливости, мы можем предполагать, что существует большая связь между религиозностью и верой в окончательную справедливость, чем веру в имманентную справедливость [4, p. 402].

Однако разделение этих двух типов справедливостей в понимании каждого конкретного человека напрямую зависит от уровня его духовного опыта и образования. Отсутствие долгосрочной мотивации и долгой воли, желание получения результатов немедленно может стать детонатором, который способен подменить в сознании индивида понятия окончательной и имманентной справедливости.

Хорошо известный факт из истории концентрационных лагерей заключается в том, что «кто имел сильные религиозные и моральные убеждения управлялись со своей жизнью намного лучше, чем иные. Глубоко религиозные люди часто помогали другим, и многие по собственной воле приносили себя в жертву. Среди религиозных людей таких было намного больше, чем в среднем среди нерелигиозных заключенных» [9, p. 124].

Однако авторитарный тип личности, который воспринимает некие установки на веру (ритуально, без глубокого личного духовного опыта), невольно оказывается заложником шаблонного массового мышления о том или другом предмете идеологии или религии. А шаблоны религии при определенном их преломлении могут объяснить даже противоположные общественно значимые действия и оценки.

Особенно страшно, когда под эгидой такой «веры» человек снимает с себя личную ответственность за свои поступки и прикрывается теорией или религиозными установками, которые вполне могут быть не до конца понятыми отдельным индивидом или обществом в силу огромного количества факторов.

Залогом избежать мышления через религиозные либо идеологические шаблоны остается исключительно личный духовный опыт, выбор и персональная ответственность.

В условиях переизбытка информационных потоков человек всегда вынужден формулировать самостоятельно оценки миропорядка во всей целостности и полноте и, в том числе, по поводу текущих ситуаций. Это, в свою очередь, влечет за собой полную персональную ответственность за каждую из формулировок. Только в этом случае возникает возможность ментального выхода из уютной кабины логичного и справедливого мира и осознания чуть более реальной картины мира действительного. Как мы описывали выше, такое ментальное упражнение, к сожалению, не является общедоступным, особенно когда речь идет о критических временах и ситуациях.

К факторам, располагающим к данному выходу, относятся следующие:

1. Высокий уровень политического образования. Образование должно быть направлено на знакомство со всем спектром идеологических установок и их потенциальными брешами. Политическое образование, безусловно, должно включать в себя историческое образование, основанное на дебатах о трактовке источников. Политическое образование ни в коем случае не должно подменяться идеологическим образованием.

2. Свобода выражения собственной позиции. Поддержка со стороны общества нестандартных подходов и определений как текущих ситуаций, так и идеологических концептов. Стремление к индивидуализации собственной позиции.

3. Четкое осознание того, что государство и политика всегда стремятся к усреднению идеологических установок, а значит пропаганда в том или другом виде неизбежна. То есть человек должен быть готов к попытке обречь его индивидуальное миропонимание общественным.

Список литературы:

1. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 286 с.
2. Bettelheim B. Individual and mass behavior in extreme situations // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1943. Vol. 38. No 4. P. 417-452.
3. Broad D. New World Order Versus Just World Order // *Social Justice*. 1998. Vol. 25. No 2. P. 6-15.
4. Kaplan H. Belief in a just world, religiosity and victim blaming // *Archive for the Psychology of Religion*. Special Issue: Psychology of Religion in Turkey. 2012. Vol. 34. No 3. P. 397-409.
5. Lerner M.J. Evaluation of performance as a function of performer's reward and attractiveness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1965. Vol. 1. P. 355-360.
6. Lerner M.J. The belief in a just world: a fundamental delusion. New York: Plenum Press, 1980. 209 p.
7. Lerner M.J., Miller D.T. Just world research and the attribution process: Looking back and ahead // *Psychological Bulletin*. 1978. Vol. 85. No 5. P. 1030-1051.
8. Maes J. Immanent justice and ultimate justice: Two ways of believing in justice // *Responses to victimizations and belief in a just world*. New York: Plenum Press, 1998. P. 9-40.

9. Marcus P. *Autonomy in the extreme situation. Bruno Bettelheim, the Nazi concentration camps and the mass society*. London: Praeger, 1999. XIV, 212 p.
10. Piaget J. *The moral judgment of the child*. New York: Free Press, 1948. 451 p.
11. Ritter C., Benson D.E., Synder C. *Belief in a just world and depression // Sociological Perspectives*. 1990. Vol. 33. No 2. P. 235-252.
12. Simon T.W. *Democratizing eutopia: environmentalism, anarchism, feminism // Our Generation*. 1985. Vol. 17. No 1. P. 123-149.
13. White K., MacDonnell R., Ellard J.H. *Belief in a just world: Consumer intentions and behaviors toward ethical products // Journal of Marketing*. 2012. Vol. 76. No 1. P. 103-118.

Сведения об авторе:

Власова Ольга Юрьевна – кандидат политических наук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

Data about the author:

Vlasova Olga Yurievna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of State Academic University for Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: olya.vlasova@gmail.com.